

Отзывъ профессора И. В. Нетушила о студенческихъ сочиненіяхъ, представленныхъ на тему „Историко-литературный разборъ сборника стихотвореній изъ кружка Мессаллы“.

I.

Въ сочиненіи, помѣченномъ двустипіемъ Тибулла:

*Nec te paeniteat duros subiisse labores
aut opera insuetas atteruisse manus,*

собственному разсужденію на заданную тему предпосланъ краткій обзоръ литературы по критикѣ и экзегетикѣ стихотвореній сборника, ходящаго подъ именемъ Тибулла, и показаны такимъ образомъ наиболѣе распространенные взгляды на составъ этого сборника, равно какъ и на способъ его возникновенія въ кружкѣ Мессаллы.

Главная часть сочиненія, дающая отвѣтъ на предложенный факультетомъ вопросъ, распадается на семь отдѣловъ или главъ, изъ которыхъ первая трактуетъ объ элегіяхъ первой книги Тибулла, вторая—объ элегіяхъ второй книги, а третья—о художественномъ творествѣ Тибулла, насколько оно отражается въ этихъ первыхъ двухъ книгахъ. Затѣмъ четвертая глава посвящена элегіямъ Лигдама, пятая—панегирику Мессаллѣ, шестая—элегіямъ Сульпиціна цикла и, наконецъ, седьмая—письмамъ Сульпиціи и послѣднимъ двумъ элегіямъ сборника, равно какъ и двумъ прианическимъ стихотвореніямъ, приписываемымъ Тибуллу.

Какъ видно изъ этого обзора заглавій, предметомъ первыхъ трехъ главъ служатъ элегіи, безспорно принадлежащія Тибуллу, при чемъ первая и вторая главы даютъ намъ, такъ сказать, исторію постепеннаго возникновенія этихъ стихотвореній или, иначе, ихъ хронологическую послѣдовательность, устанавливая этимъ путемъ взаимную связь ихъ содержанія. Но авторъ разбираемаго сочиненія, подвергая разсмотрѣнію вопросъ о хронологіи Тибулловыхъ элегій, ставитъ этотъ вопросъ не ради его самого, а придаетъ ему, напротивъ, лишь служебное значеніе, имѣя въ виду разъяснить на этомъ основаніи постепенное развитіе художественнаго творчества поэта. Такимъ образомъ первыя двѣ главы являются только подготовительной работой для третьей главы, трактующей о поэтическомъ искусствѣ Тибулла съ точки зрѣнія мотивовъ и композиціи его элегій, ихъ языка и стиля и, наконецъ, ихъ художественности въ построеніи дистиха. Этотъ отдѣлъ принадлежитъ

къ наилучшимъ частямъ сочиненія, свидѣтельствуя съ одной стороны о замѣтной способности автора проникать, такъ сказать, въ самую мастерскую художественно-поэтическаго творчества, а съ другой объ умѣнїи излагать свои наблюденія въ понятной и даже привлекательной формѣ, хотя дѣло и не обходится безъ нѣкоторой юношеской торжественности и выпренности рѣчи (напр. при разборѣ элегїи I, 10 и I, 3). Характеристика и историко-литературная оцѣнка поэзіи Тибулла, какъ по отношенію къ содержанію его элегій, такъ и относительно ихъ формы, является въ общемъ вполне удачной, хотя и нѣсколько неравномѣрной. Жаль, что съ тою же подробностью и наглядностью, съ которою разобрано художественное построеніе метрической формы Тибулловыхъ элегій, не рассмотрѣны также и ихъ стиль и языкъ. По изложенію автора, Тибуллъ оказывается великимъ художникомъ въ поэтической композиціи и въ примѣненіи принятаго для элегїи метра; въ языкѣ же и стилѣ Тибуллъ какъ будто ничѣмъ, или почти ничѣмъ не отличается отъ общаго уровня стихотворной рѣчи своего времени. Правда, нашъ авторъ даетъ также нѣкоторыя, но скудныя, указанія и относительно слога Тибулла. Но дѣло не въ томъ, что у Тибулла есть и чего нѣтъ, а въ томъ, какъ примѣняется поэтомъ наличный, языковой матеріалъ. Желательно было видѣть здѣсь болѣе детальную разработку этого вопроса, аналогично съ такою же разработкою дистиха.

Установивъ такимъ образомъ характеристическія особенности поэтическаго творчества Тибулла, авторъ переходитъ къ третьей книгѣ сборника. Разобравъ элегїи Лигдама по ихъ сходству и различію сперва въ сравненіи съ стихотвореніями Тибулла, а потомъ и Овидія, онъ приходитъ къ заключенію, что Лигдамъ не можетъ быть отождествленъ ни съ Тибулломъ, не даже съ Овидіемъ, но что это былъ поэтъ-подражатель, знавшій хорошо стихотворенія обоихъ своихъ славныхъ современниковъ. При этомъ приводятся обильныя данныя, доказывающія эту зависимость Лигдама, личность котораго, однако, остается неизвѣстной.

Въ пятой главѣ авторъ, охарактеризовавъ панегирикъ Мессаллѣ, видитъ въ немъ нѣчто въ родѣ просительнаго письма безъ малѣйшей поэтической жилки, составленнаго, въ художественномъ отношеніи, по принципу: *je prend mon bien, où je le trouve*. Въ сборникѣ пошло оно только потому, что было написано на имя Мессаллы.

Весьма удачнымъ не только по результатамъ, но и по самостоятельности сужденія является разборъ (гл. VI) шести элегій Сульпиціана цикла. Авторъ вполне справедливо ставитъ эти произведенія весьма

высоко, называя ихъ (стр. 224) „перлами римской поэзіи“. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно отказывается видѣть въ нихъ произведенія самого Тибулла, основываясь на полнѣйшемъ различіи художественной композиціи у обоихъ поэтовъ, что и указывается на разборѣ перваго стихотворенія этого цикла.

Послѣдняя глава посвящена разбору стихотворныхъ писемъ Сулпиціи (къ которымъ, однако, не причисляется элегія IV, 7, отнесенная, какъ и слѣдуетъ, къ предшествующему циклу). Также и здѣсь характеризуется всестороннимъ образомъ (даже и со стороны языка), хотя вообще вкратцѣ, поэтическое умѣніе римской барышни, не возвышающее ея стихотвореній надъ уровнемъ простаго, и притомъ не особенно легко дающагося стихослаганія. Что же касается послѣднихъ двухъ стихотвореній сборника (IV, 13 и 14), приписываемыхъ обыкновенно Тибуллу, главнымъ образомъ ради Ног. с. 1, 33, т. е. ради того, чтобы получить хоть какія нибудь элегіи, которыя можно было бы связать съ именемъ Гликери, то авторъ относится скептически къ вопросу о принадлежности ихъ Тибуллу, не смотря на то, что въ одномъ изъ нихъ упоминается имя этого поэта. То же самое касается обоихъ пріаническихъ стихотвореній, хотя одно изъ нихъ (большее) авторъ признаетъ въ формальномъ отношеніи довольно таки изящнымъ.

Въ качествѣ приложенія авторъ даетъ нѣкоторые критико-экзегетическія замѣчанія: для I, 1, 25 предлагается *jam modo nunc possim*; для II, 2, 2: *sic veniat*; для II, 5, 4: *tua* вм. *tuas*.

Авторъ представляетъ по большей части вездѣ скорѣе лишь общую картину историко-литературной оцѣнки сборника Тибулла, не вдаваясь слишкомъ въ детальную отдѣлку своей темы. Тѣмъ не менѣе изъ самихъ выводовъ, равно какъ изъ указаній на литературу вопроса ясно видно, что детальныя данныя находились въ его распоряженіи вмѣстѣ съ тѣми пособіями, въ которыхъ имѣется въ изобиліи соответственный подробный матеріалъ. Въ общемъ сочиненіе подѣ девизомъ „*nec te paeniteat*“ производитъ весьма выгодное для него впечатлѣніе, свидѣтельствуя не только объ основательномъ знакомствѣ съ самимъ сборникомъ, равно какъ и съ весьма обширной ученой литературой (цитируется до 40 сочиненій), но также и о похвальной самостоятельности сужденій въ критической оцѣнкѣ взглядовъ, высказанныхъ къмъ бы то ни было по отношенію къ отдѣльнымъ пунктамъ темы. Нельзя, однако, одобрять нѣсколько язвительнаго тона, въ который авторъ иногда впадаетъ по адресу даже вполне заслуженныхъ ученыхъ (каковъ напр. Шанцъ).

II.

Другое сочиненіе, представленное на ту же тему, помѣчено девизомъ: „Non eram nescius fore, ut hic noster labor in varias reprehensiones incurreret“.

Послѣ предисловія и перечня пособій (показано 27 сочиненій) авторъ предпосылаетъ собственной темѣ обширное введеніе (болѣе 1-й части всего сочиненія), въ которомъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Вліяніе Августовской эпохи на литературу вообще и поэзію въ частности“, затронуты слѣдующіе вопросы: 1) Характеристика этой эпохи; 2) „Низкое“ положеніе древне-латинской поэзіи (подъ этимъ терминомъ разумѣется вся поэзія до Августа); 3) Возвышеніе поэзіи при Августѣ; стремленіе новыхъ поэтовъ усовершенствовать ее при помощи тщательнаго изученія греческихъ образцовъ и встрѣченная ими оппозиція со стороны поклонниковъ старины; 4) Особенное развитіе риторической поэзіи, въ связи съ тогдашнимъ состояніемъ римскаго общества; 5) Расширеніе книжной торговли и появленіе литературныхъ клубовъ, какъ результатъ литературной моды, и вліяніе, въ свою очередь, этихъ книжныхъ магазиновъ и клубовъ на литературу; 6) Покровительство литературѣ со стороны Августа, причины и послѣдствія этого покровительства; 7) Литературные кружки Мецената, Азинія Полліона и Мессаллы; 8) Главный представитель кружка Мессаллы, Тибулль, и данныя изъ его біографіи.

Собственный отвѣтъ на тему распадается на 5 главъ, изъ которыхъ первая трактуетъ о стихотвореніяхъ, несомнѣнно Тибулловыхъ, съ поэтической стороны, вторая—съ риторической, а третья—грамматической. Четвертая глава посвящена стихотвореніямъ, несомнѣнно „подложнымъ“, къ которымъ причисляются элегіи Лигдама, панегирикъ Мессаллѣ и оба пріапическія стихотворенія. Наконецъ, предметомъ 5-й главы служатъ „сомнительныя“ стихотворенія, а именно дуэтъ Сульпиціи съ Церинтомъ и письма Сульпиціи. Въ концѣ слѣдуетъ краткое заключеніе о способѣ и времени составленія сборника (впрочемъ, словами Штрейффингера).

Работа эта свидѣтельствуетъ объ основательномъ изученіи текста разбираемыхъ стихотвореній, равно какъ и объ обширномъ знакомствѣ съ важнѣйшими пособіями изъ ученой литературы. Центръ тяжести всего сочиненія, насколько она касается отвѣта на тему, заключается въ детальной разработкѣ главныхъ фактовъ. Въ особенности же много матеріала собрано въ отдѣлѣ о риторикѣ и грамматикѣ Тибулла. На тему, предложенную факультетомъ, данъ въ этой работѣ отвѣтъ

удовлетворительный. Однако все сочинение страдает весьма замѣтнымъ недостаткомъ самостоятельности сужденій, что значительно важнѣе указываемаго самимъ же авторомъ отсутствія самостоятельности матеріала, происшедшаго, по словамъ автора (въ предисловіи стр. II), отъ того, что весь матеріалъ, извлеченный имъ самимъ изъ стихотвореній сборника, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ литературой вопроса, оказался уже собраннымъ и разобраннымъ не въ томъ, такъ въ другомъ пособіи. Дѣло, вѣдь, при данныхъ условіяхъ не въ самомъ извлеченіи матеріала, а въ томъ, какъ воспользоваться этимъ матеріаломъ для провѣрки высказанныхъ по отдѣльнымъ пунктамъ разнообразныхъ мнѣній, т. е. для ихъ критической оцѣнки, равно какъ и для подкрѣпленія собственныхъ своихъ выводовъ, долженствующаго состоять по меньшей мѣрѣ въ уясненіи причинъ, почему принимается именно такое мнѣніе, а не другое. Между тѣмъ авторъ кладетъ въ основаніе своего разсужденія наиболѣе ходячіе взгляды на составъ нашего сборника, признавъ ихъ а priori правильными (ср. предисловіе стр. I, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: „общимъ приговоромъ ученыхъ утверждено ими знаменитаго римскаго элегика за первыми двумя книгами сборника и за стихотвореніями 13 и 14 четвертой книги; третья книга цѣликомъ и первое стихотвореніе четвертой книги всѣми признаны подложными; только относительно остальныхъ стихотвореній IV книги мнѣнія ученыхъ расходятся“). Согласно съ этимъ задача автора состояла въ томъ, чтобы подобрать и сгруппировать по возможности побольше матеріала, имѣющаго подтвердить принятое положеніе. Задача эта исполнена такимъ образомъ, что наиболѣе удовлетворительными оказываются грамматическія и метрическія части изложенія предмета, составленныя съ большимъ стараніемъ и несомнѣннымъ пониманіемъ дѣла. Далекое слабѣе тѣ мѣста, въ которыхъ автору приходится имѣть дѣло съ вопросами, выходящими за предѣлы грамматики и метрики. Такова напр. первая глава, заключающая въ себѣ „поэтическій разборъ“ стихотвореній Тибулла. Отличительными признаками Тибулловой поэзіи авторъ признаетъ а) живость изображенія, б) истинное вдохновеніе и с) субъективизмъ. Но изложеніе этихъ качествъ (§ 10), особенно перваго, выходитъ довольно расплывчатымъ, будучи построено болѣе на общихъ мѣстахъ, чѣмъ на фактическихъ данныхъ, что, впрочемъ, и самъ авторъ сознаетъ (въ предисловіи). То же самое касается и § 11, трактующаго о планѣ элегій Тибулла, для которыхъ авторъ принимаетъ а priori то же самое тройственное дѣленіе (введеніе, изложеніе, заключеніе), которое свойственно элегіямъ Лигдама и Сульпицина цикла. Жаль, что авторъ не потрудился провѣрить правильности

этого положенія соотвѣтственнымъ разборомъ хотя бы той же элегій (I, 1), которая вслѣдъ за этимъ представлена въ прозаическомъ переводѣ, исполненномъ самимъ авторомъ. Разборъ, хотя бы только схематическій, согласно съ принимаемымъ тройственнымъ дѣленіемъ, былъ бы здѣсь желателенъ тѣмъ болѣе, что въ этой элегій, по словамъ автора, болѣе чѣмъ гдѣ либо обнаруживается страсть Тибулла переходить быстро отъ предмета къ предмету.

Несамостоятельность сужденія автора выражается также и въ утрировкѣ нѣкоторыхъ и безъ того одностороннихъ взглядовъ, хотя и не лишенныхъ извѣстной доли правды. Такова напр. отрицательная часть сужденія о Тибуллѣ (на стр. 32): „Болѣе глубокій и сложный видъ поэтическаго творчества, драма, гдѣ нужно болѣе *умнья, фантазіи, наблюдательности, вообще таланта*, Тибуллу недоступна“. По чемъ знать? То же самое можно было утверждать напр. также и объ Овидіѣ, еслибъ случайно не сохранилось извѣстіе о его Медеѣ, написанной имъ въ юности. Можно ли утверждать, что драма находилась тогда въ упадкѣ только по недостатку таланта въ писателяхъ? Особенною рѣзкостью отличаются сужденія автора о Виргиліѣ (ср. стр. 20): „Энеида Виргилія—эпосъ возмутительный съ моральной стороны и порядочно слабоватый съ поэтической“. „Виргилій оскандалилъ себя своей Энеидой“. Съ подобною строгостью относится онъ также и къ Августу, такъ что отказывается даже вѣрить въ *искренность* Виргилія въ его отношеніяхъ къ Августу (стр. 20: „питать какую то голубиную нѣжность къ такому человѣку, какъ Августъ, не мыслимо“). Не трудно замѣтить, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ отголоскомъ того направленія въ наукѣ, которое, въ погонѣ за новизною темы, развѣнчиваетъ однихъ дѣятелей исторіи и литературы и придумываетъ разныя Rettungen для другихъ. Впрочемъ, послѣдніи замѣчанія касаются главнымъ образомъ только „Введенія“, имѣющаго лишь отчасти прямое отношеніе къ собственной темѣ.

Въ Физико-Математическій факультетъ,

отзывъ з.-о. пр. Г. Левицкаго о работѣ, представленной для соисканія
преміи проф. Павловскаго.

Наблюденія покрытій звѣздъ и планетъ луною, въ особенности на обсерваторіяхъ, географическія координаты которыхъ точно опредѣлены, имѣютъ, какъ извѣстно, очень важное значеніе для теоріи движенія и фигуры луны. Наблюденія эти пріобрѣтаютъ тѣмъ болѣе вѣсъ, чѣмъ